

Элина Файзулина
Алтарь судьбы

Элина Файзуллина

Алтарь судьбы

«Издательские решения»

Файзуллина Э.

Алтарь судьбы / Э. Файзуллина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964776-4

Увлекательный исторический роман о жизни людей, стоявших у истоков Российской империи. Император Петр скончался, Россия оказалась на перепутье: кто займет трон, малолетний внук царя или его вдова — бывшая плененная прачка? Смогут ли герои найти силы бороться за власть, когда день ото дня они сталкиваются с предательством, интригами врагов и отпечатками прошлого?

ISBN 978-5-44-964776-4

© Файзуллина Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Александр Меншиков	6
Январь 1725 года	6
Март 1725 года	7
Глава II	10
Екатерина Романова	10
Март 1725 года	10
Глава III	12
Александр Меншиков	12
Март 1725 года	12
Апрель, 1725 года	12
Июнь 1725 года	14
Глава IV	16
Екатерина Романова	16
Июнь 1725 года	16
Глава V	18
Александр Меншиков	18
Июнь 1725 года	18
Глава VI	22
Екатерина Романова	22
Июль 1725 года	22
Сентябрь 1725 года	24
Ноябрь 1725 года	26
Глава VII	29
Александр Меншиков	29
Декабрь 1725 года	29
Глава VIII	32
Екатерина Романова	32
Январь 1726 года	32
Глава IX	35
Александр Меншиков	35
Февраль 1726 года	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алтарь судьбы

Элина Файзуллина

*Посвящается супругу Уралу в благодарность за вдохновение
и поддержку в моем деле, а также моему главному литературному
критику и преданному читателю – милой сестре Элизе*

© Элина Файзуллина, 2019

ISBN 978-5-4496-4776-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Екатерина

Глава I

Александр Меншиков

Январь 1725 года

Новость о кончине императора, для всей страны оказалась болезненной. Особливо тягости этого события ощутили на себе обитатели дворца. Не все сенаторы поверили в законную силу завещания. Они отнеслись к нему с немалой долей сомнения. Их смущал тот непреложный факт, что бумага написана моей рукой. Это создало нам множество хлопот. Ключевым аргументом в их оппозиции было то, что император в последние минуты своей жизни мог находиться в состоянии бреда. Во всяком случае, нашлись люди, которые попытались воспользоваться ситуацией. Долгоруковы, Голицыны и Репнины настойчиво указывали на то, что трон должен занять малолетний внук усопшего, Петр Алексеевич, сын казненного царевича Алексея. На самом деле, эта кандидатура имела много больше шансов стать новым императором, чем Екатерина, за него же была и основная масса в народе. Не потому, конечно, что его считали многообещающим царем, а из укоренившейся в мыслях людей прочно идеи, что женщина не может управлять государством. Катерину любили, к ней у простого люда было особенное отношение в связи с тем, что незнатное происхождение делало ее одной из них. За ней закрепилось нежное «матушка императрица». Тем не менее логика любого государственника сходилась на том, что «правильнее сделать царем несмышленного мальчишку, чем мудрую женщину». Таких было большинство, и нужно было срочно что-то предпринимать. К тому же, сложившаяся веками традиция велела сделать царем потомка мужеского пола, жёны, как заведено, не имеют прав наследования власти. Голицын, известный своим дипломатичным подходом, попытался было предложить возвести императором Петра, а регентом при нём назначить Екатерину. Но такой расклад не устроил ни меня, ни Долгоруковых. Ожесточенные споры не затихали всю ночь. Граф Петр Андреевич Толстой встал на сторону супруги царя, несколько раз он ходатайствовал перед сенаторами и членами коллегий с душераздирающими речами по поводу личностных достоинств безутешной вдовы.

– Господа сенаторы! Позвольте напомнить о немалых заслугах царицы Екатерины перед государством, – слагал он громко свою речь перед сановниками на собрании. – Не эта ли, поразившая всех нас своей смелостью, женщина прошла рука об руку с императором Петром всю долгую, страшную войну? Не она ли заботилась о солдатах на полях боя? А как же ее храбрость в переговорах с турецким визирем? Вспомните, ведь именно матушка наша, Екатерина Алексеевна, спасла тогда войско от неминуемой гибели! Сам государь возложил ей на голову корону, а в руку дал державу. Не это ли считать признанием ее прав быть императрицей? Подумайте хорошо. Сумеет ли юный наследник стать для нас предводителем, или мы снова погрязнем в губительных династических распрях?

Я с упованием наблюдал, как в момент убедительной речи графа в зал Сената стекались гвардейцы, не желавшие оставаться в стороне в столь щепетильном вопросе. Несомненно, нам

это было только на руку. Поддержки двух полков гвардии с лихвой хватило бы, чтобы перетянуть нить противостояния на нашу сторону. Я не сомневался в их заступничестве за Катерину. Она не раз становилась кумой для гвардейских отпрысков, чем заслужила среди них уважение. Теперь же я мог смело использовать их в качестве боевой и политической силы.

Окончательно убедило гвардейцев замечание Ягужинского о том, что царица законно коронована перед лицом Господа. Возражениям более не было места. Убедившись в преданности офицеров, я уверенно отправился в покои Екатерины. Я знал точно: против гвардии никто не посмеет идти. Так оно и случилось. К утру было официально объявлено о воцарении Ея величества императрицы Екатерины Алексеевны. Пока Сенат и члены коллегий поднимали бокалы за новую царицу, государыня не в состоянии была ни о чем думать, кроме горя, постигшего ее семью. Ту ночь она проплакала над телом супруга, не позволяя никому более входить в комнату. Даже я, попытавшись утешить женщину, случайным образом оказался у нее в немилости, попав под горячую руку. Ее взгляд выдавал глубокое раздражение от моего присутствия. Возможно, Екатерина в какой-то мере винит меня в случившемся. Что ж, доля правды, как ни прискорбно, в этом есть, поэтому с моей стороны было бы низко пытаться оправдываться перед ней.

Желание императрицы побыть наедине с телом мужа нельзя было игнорировать, однако, возмущение священников, которые не привыкли изменять традициям церкви, было воспринято Екатериной с пониманием, и она позволила им читать над телом мужа псалтирь.

– У тебя еще будет время с ним проститься, – аккуратно начал я. – Погребения монарших особ совершаются лишь на сороковой день.

Екатерина злобно обвела меня глазами.

– Мне и этого будет мало. Я не успела сказать ему всего что хотела и должна была. Это произошло слишком неожиданно, – вздохнула женщина.

– Скоро начнется панихида, тебе лучше сходить умыться и переодеться.

– Нет сил что-либо делать, – всхлипнула она.

– Я позову твоих фрейлин, они помогут.

– Оставь меня в покое, Саша, – протянула она, нахмутив брови.

Мне оставалось лишь продолжать попытки заботиться о ней время от времени, хотя она никого к себе не подпускала.

Март 1725 года

Царя провожали долго и торжественно. Его яркая жизнь и тот причудливый след, что он оставил после себя, не позволили ему уйти без шума. Безусловно, не только императорский двор, но и все петербургское общество от мала до велика, как одно погрузилось в траур. Все это время тело готовили к упокоению. На сороковой день с раннего утра до поздней ночи проходила церемония прощания. По своей роскоши это действо нисколько не уступало какому-нибудь знаменательному событию, кои обычно с широким размахом отмечают во дворце. О том, что мероприятие посвящено похоронам, напоминало лишь траурное обличье присутствующих и приглушённое свечение огней. Семья царя пребывала в глубочайшем унынии. Дочери Петра молчали на протяжении всей процессии и держались крайне сдержанно. Екатерина была все так же безутешна. Я, разумеется, старался не оставлять ее одну, потому почти все свои обязательства на время переложил на сенаторов. Организация похорон была возложена на Якова Брюса. Должен признать, он справился с этим делом более чем хорошо. Во время церемонии не было никаких промахов, все происходило точно по расписанию. Тело императора находилось в центре большого зала, украшенного в военном стиле. Дорогое черное сукно обивало все стены, а гроб царя был установлен на бархатной возвышенности, украшенной золо-

тыми элементами. Возле тела неподвижно, словно такие же неживые, выстроились в шеренгу солдаты караула.

Дворец не мог вместить всей публики, пришедшей проститься с императором, посему было принято решение установить на набережной сидячие места, чтобы люди, измученные усталостью, не покидали похороны раньше времени.

– Ваше Величество, всё готово, пора спускаться, – сказал Брюс, когда мы с Екатериной молчаливо ожидали начала церемонии в её покоях.

Императрица кивнула в ответ.

Перед тем как выйти к людям, она потянулась к стопке с медовухой и, скоро осушив его, отправилась на похороны.

К десяти утра гроб вынесли на улицу. Многочисленная толпа стала к нему стекаться. Иностранные дипломаты, сенаторы и дворяне – все до единого со скоблеными подбородками – окружили гроб, не давая возможности другим увидеть мраморное лицо императора. Художники расположились на специально сооруженных помостах, и в спешке делали зарисовки происходящей сцены.

Появление вдовы царя было спланировано с особой тщательностью. Она показалась лишь перед самым отправлением процессии на место захоронения. Ее сопровождало несколько офицеров. Сие задумывалось для того, чтобы продемонстрировать всем, что кандидатура супруги Петра в качестве преемницы его на престоле поддерживается царской гвардией и является неоспоримой.

В целом, российское общество отнеслось к известию о том, что бразды правления теперь переходят к женщине, более чем благосклонно. Разведка не донесла ни об одной попытке мятежа против Екатерины, наоборот народ воспринял ее самодержавие как символ новой эпохи, свободной от тирании ее жестокого мужа и его шокирующих общественность нововведений.

Среди дворянского общества супруга царя не была столь желанной правительницей. Причиной тому ее неблагородная порода. Даже фрейлины, как водится, набираются из знатных родов, тем паче неприязнь к простодушной царице. Однако не поддавать под обаяние Екатерины было невозможно. При первой встрече люди считали ее невежественной дурехой, лишенной сколько-нибудь аристократической изысканности и женского шарма, но стоило только узнать ее получше, как она открывалась им женщиной миловидной и доброй, не падкой на дворцовые интриги и глупые забавы. Она обладала редким навыком уметь нравиться всем. Подобного набора качеств вполне хватало для того, чтобы стать правительницей державы. Естественно, ума у царицы в делах государственных не имелось никакого, и политикой она особо не интересовалась. Но этого от нее и не требовалось. Необходимым и достаточным было умение ее вывести на бумагах свою подпись и поставить под ней императорскую печать. Вся остальная работа ляжет на государственных мужей.

Сразу за гробом ступали духовники и бояре, после них – семейство Петра во главе с Екатериной. Я удостоился чести идти рядом с ней, что вызвало у моей жены приступ ярости, и, придя после похорон домой, я вынужден был выслушивать от Дарьи Михайловны очередные упреки в чрезмерной близости к императрице.

Торжественность обстановке придавал шагающий рядом с процессией оркестр, наигрывающий тяжелую мелодию, от которой становилось еще более печально на душе.

Пётр пожелал быть похороненным в Петропавловской крепости. Еще закладывая сооружение много лет назад, он мечтал сделать его усыпальницей своей династии. К несчастью, основатель крепости умер раньше, чем ее строительство закончилось. Посему было решено ускорить возведение усыпальницы, а до того, пока не будет достроен хотя бы нижний ярус, гроб с телом императора будет находиться здесь под постоянным караулом.

– Что дальше, Меншиков? – отчаянно шепотом спросила Екатерина, когда процессия закончилась.

– А дальше... дальше будем продолжать жить, Катеринушка. Жить, как раньше, – скривил я губы, ободряюще сжав ее руку.

– Как раньше уже не будет никогда, – отмахнулась она.

– Поживем – увидим, дорогая. Одно могу обещать – хуже точно не будет! Теперь, когда нам удалось возвести тебя на трон, наша жизнь станет лучше.

– Знаешь, в момент, когда нашего Петеньку отпевали, я задержала взгляд на его лице, и ко мне внезапно пришло облегчение. У него было такой безмятежный облик, будто бы он спокойно принял свою смерть. Сейчас ему, должно быть, очень хорошо. Он ведь жил в постоянном беспокойстве, его с детства преследовали опасения сначала за себя и мать, потом за Отечество. И в семье у него было много горя. Уйдя от земной жизни, он только сбросил с себя этот груз, висевший на его плечах тяжким бременем. Всем нам следует принять это и отпустить его на вечный отдых, – Екатерина говорила вдохновенно, с усталой улыбкой на лице.

Она порадовала меня своим смирением. С этого дня она перестала упиваться горем, а я стал спать ночами без тревоги за нее.

Глава II

Екатерина Романова

Март 1725 года

Мало-помалу я стала приходить в себя. После похорон, когда я больше не видела тело мужа каждый день, я перестала думать о нем постоянно. Благо, на мои плечи взвалилось столько дел, что они занимали мой ум большую часть времени, не давая тоске поселиться в душе. Заботу о малолетних детях покойного сына мужа, Алексея, я решила взять в свои руки. Я отдала распоряжение о том, чтобы их покои перевели поближе к моим. И уже через неделю Петя и Наташенька переехали из левого крыла дворца в правое. Я стала ласково называть их своими внуками, а они в свою очередь обращались ко мне «матушка» или «бабушка», так же, как мои собственные дочери. Петр Алексеевич был особенно привязан ко мне, ведь ему крайне не хватало материнского внимания практически с момента рождения. Он, словно тень, все время следовал за мной, куда бы я ни пошла. Елизавета по-сестрински опекала его. Ей удавалось на долгие часы увлечь мальчика за игрой в прятки. Наталья слыла девочкой очень спокойной, предпочитающей тишину. Каждый день она проводила не меньше трех часов в библиотеке за чтением романов о приключениях моряков.

Нужно было готовиться к свадьбе Анны, но и государственные дела нельзя пускать на самотек. Петр не простил бы мне, если бы я не постаралась хотя бы продолжить его начинания. Отныне я решила взять на себя предельно много обязанностей. Меншиков, конечно, справляется со всем куда лучше других, однако мне не следует во всем полагаться на него одного. В конце концов, не все при дворе готовы служить под его начальством. Меня тяготило, что теперь, после того, как я стала жестоко обманута Виллимом Монсом, человеком, которому я безмерно доверяла, мне довольно трудно вновь поверить людям. При дворе нет никого, с кем я могла бы быть искренней, не боясь, что меня могут подвести.

– Я намерена сократить сумму податей, взимаемых с народа, – высказалась я на своем первом официальном заседании в Сенате в качестве правящего монарха.

– Ваше Величество, позвольте возразить, – перебил меня один из сановников. – Мы не можем уменьшать налоги. Казна и так полупуста. Мы только что завершили войну, еще много денег уходит на строительство и обустройство Петербурха.

– Я все понимаю, но о народе тоже нужно подумать. Мой покойный супруг, Петр Алексеевич, царствие ему небесное, загнал людей в бесчеловечную кабалу. Торговцы завышают цены на все товары, люди голодают, отдавая большую часть денег в пользу государства. Нам необходимо сократить траты на двор, начнем жить скромнее.

Я не сразу заметила, что почти кричу на него. Чуть понизив голос, я добавила: «Русский народ многое пережил за последнее время, пора дать ему глоток свежего воздуха».

Я поймала на себе поощрительный взгляд Меншикова.

– Екатерина Алексеевна права, – вмешался он, видя на лицах сенаторов недовольство. – Могут начаться волнения. Против покойного императора люди не решались учинить бунт, а против императрицы могут запросто, посчитав, что власть ослабла. Только вчера стало известно о предвестниках народного недовольства в Москве.

– Мятежи нужно жестко подавлять, а не идти на уступки народу, – высказался Ягужинский.

– Я не намерена придерживаться неистовой политики своего супруга. Рассчитываю, что вы смиритесь с моим решением. Коль скоро вы это сделаете, тем лучше для вас. Александр Данилович, прошу подготовить соответствующий указ и немедленно передать мне его для подписания.

С этими словами я тут же гордо удалилась из зала, предпочтя не выслушивать негодующие роптания сенаторов.

– Тебе следовало быть более деликатной, – покачал головой Меншиков, когда мы прогуливались вечером по саду. – Ты вызвала бурю эмоций у членов Сената.

– Они не смеют мне перечить.

– Да, но ты поступаешь недальновидно, намеренно лишая себя их поддержки. Эти люди имеют большой вес в государстве.

– Я намерена править как Петр, для этого мне нужно быть непоколебимой и решительной, – кивнула я.

– Ты идешь не в том направлении, Екатерина. У тебя нет столько авторитета, сколько было у императора. Хочешь ты этого или нет, но ты зависишь от этих людей.

– Значит, я не располагаю полной властью? Что же мы тогда считаем самодержавием? – съязвила я.

– Таково положение вещей, дорогая. Пока что тебе не следует брать пример с Петра. Он за непослушание и голову отрубил мог своими руками. А ты? Сможешь так же? Рука не дрогнет хотя бы подписать смертный приговор тому, кто станет перечить твоему указу?

– Нет, конечно, – покачала я головой. – Все равно нужно исправлять ситуацию. Я должна подчинить себе сановников. Только тогда государство будет процветать. Я не позволю рушить самодержавные устои Российской империи. Если так и дальше будет продолжаться, я не стану медлить с упрощением роли Сената.

– Екатерина, ты говоришь глупости. Ты не можешь вот так делать, что тебе взбредет в голову. Ты не смыслишь в политике, – завопил мужчина.

– Не смей повышать на меня голос. Знай свое место, князь. Думаешь, я не понимаю, что ты сделал все, чтобы власть перешла ко мне, только для того, чтобы самому прибрать ее к рукам? Я слишком хорошо тебя знаю, Саша. Ты действовал не в моих интересах, а в своих. Только не стоит меня недооценивать, я не так глупа, как ты полагаешь.

Ошарашенный Меншиков некоторое время не мог прийти в себя от моих слов. Возможно, я слегка перегнула палку, но все же, мне не хочется становиться лишь марионеткой в его умелых руках.

Через неделю я приняла решение помиловать некоторых заключенных в казематах, которые, по моему мнению, получили слишком суровое для своих деяний наказание. Этот поступок члены Сената восприняли более смиренно, нежели указ о сокращении податей. Здесь они не увидели угрозы для государства, и даже наоборот, сочли разумными мои действия. Маленькими шагами Россия стала выходить из полумрака петровской выправки.

Глава III

Александр Меншиков

Март 1725 года

Карл-Фридрих постоянно находился в заметном напряжении. Его положение при российском дворе было весьма шатким. Он с нетерпением ждал того дня, когда императрица назовет его полноправным мужем цесаревны Анны и он, томимый столь долгим ожиданием, наконец, сможет вздохнуть с облегчением. Его послужной список при российском дворе был пока что совершенно скуден, потому он устраивал свои дела, заручившись покровительством некоторых высокопоставленных вельмож. Любой опрометчивый шаг угрожал молодому мужчине опорочить его репутацию и сорвать желаемую помолвку. Конечно, брачный договор был подписан еще полгода назад, однако, императрице ничего не стоило в секунду аннулировать документ при малейшем недоверии к будущему зятю. Все же Екатерина время от времени задавалась вопросом, правильно ли она поступила, решив когда-то давно, что трон должна унаследовать ее младшая дочь, Елизавета. Подписав брачный договор, Анна тем самым навсегда отказалась от российского престола. Рассудительный Петр Алексеевич, тем не менее, позаботился учинить в соглашении секретную приписку, что ежели у Анны в этом супружестве родится сын, то правящий монарх может изъявить желание указать в своем завещании этого мальчика в качестве своего преемника.

Брак дочери Петра и Екатерины был, разумеется, тщательнейшим образом спланирован. Не обошлось в таком деле и без политической подоплеки. Монархом двигало желание иметь возможность оказывать влияние на побежденную Швецию.

Апрель, 1725 года

Бракосочетание цесаревны выдалось очаровательным. Хорошо подготовленное мероприятие порадовало всех гостей. Утром во время венчания Петербург оказался залит дождем, но уже к полудню погода прояснилась, и праздник не был омрачен. К свадьбе был скоротечно достроен дворец Екатерины в Царском селе. Его убранство пришлось всем по вкусу. Шведские гости оценили проделанную работу явно высоко. По такому важному случаю повара постарались на славу. На стол подали запеченных кроликов, фаршированных перепелиными яйцами, бараньи котлеты, которые, впрочем, не впечатлили гольштинских гостей, традиционные блины с красной икрой, петушиные гребешки, сыры, а на десерт четырехъярусный миндальный торт.

Екатерина, казалось, была прекраснее невесты в ярком платье цвета пыльной розы. Ее глаза светились от счастья, хотя в них нельзя было не заметить следы усталости и недосыпа. На протяжении всего вечера она много танцевала, веселилась, хохотала. К концу праздника даже изрядно опьянела. Всякий, кто имел возможность понаблюдать за императрицей, с легкостью заметил бы ее всецелое одобрение этого брака. Она считала Карла-Фридриха идеально подходящей ее дочери партией. Образованный ум, ловкость, необузданная энергия и служебное рвение Карла как нельзя лучше сочетались с удивительным величием Анны Петровны, с ее непринужденностью в общении и исключительно достойным поведением.

Цесаревна Елизавета со свойственным ей легкомыслием пускалась в пляс со всеми более или менее симпатичными мужчинами. Ее не смущало и то, что те были связаны узами брака,

а жены последних презрительно глазели на нее. Поведение юной леди нашло всеобщее неодобрение. Манеры ее были излишне вызывающими. Но мать не обращала на поведение дочери должного внимания, считая, что девочка всего лишь находится в таком возрасте, когда еще может позволить себе не обременяться строгими правилами приличия. Во всяком случае, ее действия не оттолкнут от нее потенциальных кавалеров, слишком высокое положение девушка занимает при дворе. Женихи толпились бы у ее двери и в том случае, если бы она была абсолютно сумасбродна, глупа и омерзительно некрасива. И уж обеим дамам точно было все равно, что Елизавета часто становилась предметом насмешек и злословия со стороны некоторых педантичных представителей высшего света. Фрейлин для себя царица подбирала таких, которые смогут разделять ее увлечения модой, верховой ездой и кокетством. Выглядеть не лучше Лизавет – вот все, что требовалось от прислужниц девушки. Сызмальства Елизавета воспитывалась в обстановке свободной, не требующей самозабвенного исполнения долга перед Отчизной, ей разрешалось все, родители потакали любой прихоти девушки, не особенно заботясь о внутренней составляющей венценосной дамы.

Я впервые вывел в свет свою подрастающую дочь Марию. Хотя Дарья Михайловна была категорически против того, чтобы Мария, которой едва исполнилось тринадцать лет, появлялась на балу. «Потеряет голову от какого-нибудь петиметра, что мы потом будем с этим делать?» – причитала моя жена. Но я не собирался упускать дочь из виду, постоянно контролируя круг ее общения. На самом деле думать о ее замужестве я начал уже давно. Дочь второго человека в государстве должна составить блестящую партию, иного и быть не может. Ко всему прочему, Мария очень красива, не по годам развита и скромна, что приветствуется среди невест.

Спустя неделю императрица вернулась к своим обязанностям. Недавно ей в руки попали географические заметки Петра, где он описал свое недовольство отсутствием у России выхода к мировому океану. Наше положение на Балтике тоже было сомнительным. Шведы только и ждали момента, чтобы перекрыть нам путь к Атлантике. Петр снаряжал экспедицию с Камчатки на юго-западные территории, однако удачей это не обернулось. Император всячески интересовался победами Ост-Индской компании в делах продвижения на Восток. Екатерина изучила составленные мужем инструкции относительно новых освоений.

Она не стала терять время и в следующий же день дала распоряжение Адмиралтейской коллегии начать готовить экспедицию на Камчатку.

По прошествии нескольких недель на столе Екатерины лежала стопка бумаг, собранная по ее приказу. «Предлагаю назначить во главе экспедиции капитана-командора Витуса Йоннана Беринга, положительно зарекомендовавшего себя в качестве мореплавателя», – значилось в докладной адмирала Апраксина.

– Что думает Ост-Индская компания о капитане Беринге?

– Ваше Величество, компания полностью поддержала его кандидатуру.

– Что ж, не вижу смысла спорить с ними, – улыбнулась императрица. – Назначайте.

– Согласно своду правил, оставленному покойным императором, экспедиция должна добраться до Охотска примерно за двадцать месяцев, следуя через Сибирь. Там команда перезимует, а после двинется к восточному побережью Камчатского полуострова. При благоприятном исходе экспедиция должна вернуться в Петербург через три с половиной – четыре года. Все финансовое бремя берет на себя Адмиралтейство.

– Вы уже сформировали состав экспедиции? – поинтересовался я.

– Обижаете, Ваше Сиятельство, – протянул сенатский обер-секретарь. – Вся команда давно готова. Ждет своего часа.

– «Геодезисты, штурманы, гребцы, голландские мастера корабельного дела... Всего около сотни человек», – прочитала Екатерина. – Как это все интересно. Радует, что среди них есть и русские фамилии.

– Не думал, что для вас, Екатерина Алексевна, это так важно! – воскликнул секретарь.

– Конечно же, я болею за русских. Осознавая всю эпохальность происходящего, я хочу верить, что имена именно русских ученых войдут в историю.

– Странно слышать такое от человека, который сам не является русским.

– Хотя и не исконно, но душой я всегда была русской, – возразила она. – На всем белом свете не сыскать того, кто любил бы Россию больше, чем я.

– Разве что покойный царь, – добавил Апраксин.

– Нет, нет, Петр все же более тянулся к Западу. Ее Высочество права. В ней больше истинно русского, чем в ком бы то ни было, – улыбнулся Меншиков.

– В самом деле, как не обожать то место, где вся твоя жизнь, – гордо заметила Екатерина.

Вскоре экспедиция начала свое путешествие. Отплытие кораблей вылилось в торжественную церемонию. Екатерина лично приветствовала всех членов команды с пожеланиями им легкого плавания. Празднование такого масштабного события продолжилось в императорском дворце. Шампанское в этот день лилось рекой.

Июнь 1725 года

Долго помышлять о будущем Марии не пришлось. Потенциальный жених сам свалился к нам на голову. Блестяще образованный, галантный молодой человек, граф Петр Сапега, приехавший в Петербург навестить отца. Поляк по происхождению. Мои шпионы долго следили за этим молодым человеком, мне стала доступна вся его переписка, из которой следовало, что он не прочь пустить в России корни, если удастся закрепиться в дворовой среде. Союз с представительницей моей фамилии был бы для семейства Сапеги более чем желателен. Но и мне лично близость к польскому двору как нельзя кстати. Не теряя времени, я позаботился о том, чтобы для него в моем дворце были готовы покои.

Впервые мы встретились на приеме в честь именин царевны Натальи. Он старался не отходить от меня после того, как сплетники проболтали ему, что прямой путь к любой должности в государстве лежит через мое покровительство.

– Князь, позвольте представить Вашему Сиятельству, своего сына, Петра, – начал Сапега-старший, бывший приближенным к императрице в вопросах отношений с Речью Посполитой.

– Добро пожаловать в Петербург, Петр. Надолго вы планируете здесь задержаться?

– Пока мне тут будут рады, – улыбнулся молодой человек.

– Это хорошо. Вы уже основались? У кого остановились?

– Пока что я живу в доме отца.

– Вам, верно, приходится скучать в его имении. Ян Казимир, насколько мне известно, живет совсем один.

– Вы правы, Ваша Светлость. Мой отец предпочитает уединение.

– В таком случае, считаю своим долгом предложить вам погостить в моем дворце. Вы наверняка слышали, у меня две дочери и сын. Вам не придется страдать от отсутствия общения. В моем доме вам всегда будут рады. Так что, если решите, милости просим.

– Для меня большая честь получить ваше приглашение. Буду рад стать гостем Вашего Сиятельства. Полагаю, отца обрадует мой переезд. Я ему порядком надоел, – засмеялся Петр.

Старый Сапега смущенно заметил, что сын его на редкость компанейский и может без усталости вести светские беседы всю ночь напролет.

– Ждем вас к понедельнику, Петр. В честь вас мы устроим роскошный прием, подадим запеченного ягненка.

– Мне приходилось слышать о русском гостеприимстве, но я не мог себе даже представить, что в России живут настолько любезные люди, – восторженно произнес молодой человек.

Оставшуюся часть вечера я провел подле Екатерины. Теперь, когда у нее появилось много забот, нам редко удастся поговорить душа в душу.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? Государственные заботы не дают тебе отдохнуть. Выглядишь уставшей.

– Меня утомляют бесконечные балы. Признаюсь, они мне надоели.

Она провела взглядом по всему залу и почти шепотом заключила: «Большую часть всех этих людей я не знаю, но вынуждена улыбаться и делать вид, что рада их видеть. А они в свою очередь из кожи вон лезут, чтобы услужить мне. Это похоже на фарс. Так противно». Вздохнув, Екатерина снова искривила губы в широкой улыбке.

– Тебе стоит хоть на время перестать беспокоиться о других и подумать о себе, о своем здоровье.

– Ну что ты, Алексашка. Я так не могу. Это ведь ты у нас печешься только о своем благополучии, игнорируя остальных. Слышала, ты подыскиваешь мужа для дочери.

– Уже донесли. Хм.

– Об этом судачит весь Петербург.

– Я радею о счастье Марии. Что тут плохого?

– Господи, Меншиков, перестань. Мне ты можешь не говорить всего этого. Я прекрасно знаю тебя и ход твоих мыслей. Из замужества своих дочерей ты попытаешься выжать все, что может пригодиться лично тебе.

В такие моменты меня сердила исходившая от нее всепроникающая ирония. Но за годы я привык не обращать внимания на ее прямолинейные выпады.

– Одно другому не мешает, не правда ли. Уж не забыла ли ты, как своими умелыми действиями свела Анну с ее женихом.

– Не сравнивай. Я не искала выгоды в этом браке для себя. К тому же Анна и Карл Фридрих влюблены друг в друга.

В этот момент нас прервала Дарья Михайловна, не сумевшая спокойно стоять в стороне, пока я беседую с ее мнимым врагом. После того, как Екатерина овдовела, моя жена снова стала отравлять мне жизнь периодическими сценами ревности. Мысль о том, что теперь нет никаких препятствий для того, чтобы мы с Екатериной сошлись, прочно утвердились в ее недалекой голове. Ее истерики порой доходят до абсурда. Дарья почти уверена, что я вхожу в постель императрицы. Я бы хотел, чтобы это было правдой. Однако со смертью Петра Алексеевича мы с Екатериной стали лишь отдаляться. Я все меньше ощущаю себя нужным ей. Нет более радости в глазах этой женщины, когда она смотрит на меня. Она стала сильной. Мне нравилось опекать ее, когда она была беззащитной, простой девушкой. Теперь Катерина значимая персона. Она приобрела незаурядную выдержку и сильные чувства. Не всякий смог бы вынести все то, что пережила она. Моя маленькая девочка стала взрослой женщиной. Она со всем способна справиться сама. Ей больше никто не нужен.

– Екатерина Алексеевна, бал удался. Сегодня особенно весело, – подала голос Дарья.

– Благодарю, – уклончиво выдавила Екатерина.

Дарья вызвала у нее явное раздражение, это читалось в выражении ее лица, но моя супруга упорно отказывалась обращать на эту неприязнь внимание. Ей казалось, что пустые разговоры также привлекательны императрице, как и ей самой.

Глава IV

Екатерина Романова

Июнь 1725 года

Хотя я стараюсь посвящать всю себя государственным делам, забот меньше не становится. Генералы каждодневно докладывают о нестабильной обстановке на Кавказе. Меня усердно стали убеждать в необходимости немедленно отправить туда военный корпус для того, чтобы мы могли приобрести некоторые персидские земли.

– Что вы думаете обо всем этом? – полюбопытствовала я во время неофициального ужина с приближенными. – Я ничего не смыслю в военной политике. Князь Долгоруков настаивает на том, чтобы я отправила его на Кавказ.

– Полагаю, стоит ..., – начал было Меншиков.

– Персы сейчас не в лучшем положении. Туркапа¹ давят на них с одной стороны, а с другой они уничтожают себя сами, избирая непоследовательную внутреннюю политику, – перебил его мой зять, Карл-Фридрих.

Между мужчинами произошло ядовитое переглядывание, но никто не обратил на них внимания, и обсуждение продолжилось.

– Я всецело согласен с герцогом. Нам выгодно сейчас взять Персию под свой контроль, – добавил Петр Андреевич Толстой.

– А что же турки? Они не позволят нам беспрепятственно вмешаться, – колебалась я.

– Есть смысл подумать о создании союза против проклятых османов, – буркнул Меншиков.

– Глупости. Не думаю, что нас в этом хоть кто-нибудь поддержит, князь, – высказал Карл-Фридрих.

На переносице Александра Даниловича от возмущения образовались две глубокие складки. Он мгновенно покраснел и вот-вот готов был наброситься на молодого человека с порцией ответной колкости. На этот раз происходящее заметили все присутствующие. Атмосфера стала напряженной. Никто не решался прервать эту молчаливую полемику, рискуя перетянуть гнев князя на себя.

Когда Меншиков уже собрался было выдать в адрес Карла-Фридриха что-то крайне недоброжелательное, я бросила на него умоляющий взгляд, и он остановился. Затем он прочитал по моим губам беззвучное «спасибо». Раздражение Меншикова не отступило до конца вечера. Его глаза горели от возмущения.

Нам с ним давно есть о чем поговорить, поэтому сегодня я решила отложить оставшиеся дела и посвятить время общению со старым другом.

– Алексашка, пойдем, пройдемся по парку, – прошептала я ему, когда все стали расходиться.

Ничего не сказав, Меншиков направился вглубь сада.

– Я удивлен, что ты захотела со мной говорить, – начал он обиженным тоном.

– Да, что-то мы в последнее время перестали болтать как раньше. Все вокруг изменилось, да и времени сейчас практически нет.

¹ (шведск.) турки

– Ты изменилась. Больше ничего. И время тут ни при чем. При желании найти можно.
– Может ты и прав. Однако я все не приду в себя после смерти Петра. Мой мир померк.
– Мне казалось, ты с этим смирилась и больше не переживаешь.
– Смирилась, да. Но чувство пустоты никуда не деть, Меншиков. Оно жжет сердце изнутри и разрывает душу. Мне так одиноко, – прошептала я.

Сдержат слезы не вышло. Я разревелась тут же. При чужих людях я умела обуздать свои чувства, но оказавшись наедине с тем, кто понимает меня лучше всех, я разрешила себе проявить посредственность. И это меня успокоило, внутри, в самом деле, будто стало легче. Я словно скидывала с себя груз вины за ранний уход Петра вместе со слезами.

Саша дал мне возможность проплакаться вдоволь. Сначала приобнял меня за плечо, а потом прижал к своей груди. Он, как бывало раньше, нежно водил рукой по моей спине и затылку.

– Поплачь, дорогая. Ты не должна держать все в себе.

– Прости меня за слабость. Я считала, что как только сделаюсь императрицей, стану более невозмутимой. Не получается, – всхлипнула я.

– Со мной тебе не обязательно пытаться владеть собой, Катерина. Ты можешь быть такой, какая есть, – прошептал он и еле дотронулся губами до моего лба.

Саша приподнял рукой мой подбородок и легонько прошелся прохладным пальцем по моей коже в направлении уст.

– Помнишь, как мы познакомились? Ты была такой хрупкой, испуганной девчонкой. Никогда не забуду твое лицо при первой нашей встрече. Я потерял голову тотчас же. Невинный взгляд, румяные щеки. Ты была пухленькой тогда, – улыбнулся он.

– Это было так давно, – вздохнула я. – Прошло уже двадцать три года. Какой кошмар, время неутомимо.

– А я помню все, как будто это было вчера.

– Мы были молоды, энергичны. А что теперь? Уже старики. Наши дети подросли. Моя дочь вот-вот забеременеет. Я стану бабушкой, – не смогла я сдержать кроткий смех.

– В моих глазах ты все так же молода и прекрасна.

– Перестань. Мне уже сорок два года. Большая часть жизни прожита. На моем веку не будет больше ничего яркого и незабываемого.

– Скучаешь по бурной молодости? – усмехнулся он.

Вместо ответа я лишь пустила томную слезу. Меншиков стряхнул ее с моего лица. Почувствовав опасность нашего сближения, я вовремя отстранилась от мужчины. Дальше мы продолжили путь, более не возвращаясь к воспоминаниям об ушедших временах.

Глава V

Александр Меншиков

Июнь 1725 года

В то утро Мария отправилась на молебен раньше обычного. Я не успел предупредить ее о том, что в нашем доме сегодня поселится гость. Их встреча сделалась нелепым недоразумением. Молодой Сапега, после знакомства с моей семьей, изъявил желание искупаться в пруду, что недалеко от моего имения. Туда же, как оказалось, пошла моя дочь. Этот самый пруд принадлежит мне, и туда никто, кроме моих детей не ходит. Дочери любят в жаркие летние дни проводить там много времени, купаясь и устраивая пикники. Для этих целей для Марии и Александры я выписал из Парижа купальные костюмы на заказ. Почти как ночные рубашки, только низ сделан по подобию панталон для удобного передвижения по воде. Разумеется, такой наряд не предназначен для каких-либо встреч, даже мне, родному отцу, девочки постеснялись предстать в этих костюмах. Так уж вышло, что Мария, едва зашедшая в воду, увидела вынырнувшего рядом с ней абсолютно обнаженного Сапегу, принялась кричать что есть мочи. Она трижды ударила юношу по голове своим кулачком и, выбравшись из воды, прибежала ко мне в кабинет.

– Отец! Отец! – визжала она. – В пруду какой-то хапуга!

Мой громкий хохот явно сбил ее с толку. Я сразу понял, кого она увидела.

– Машенька, не переживай, это не хапуга, как ты выразилась. Это наш гость, граф Петр Сапега.

В этот момент в кабинет вбежал сам виновник случившегося. Он был возмущен не меньше Марии. Теперь передо мной стояли уже двое ошарашенных полуодетых человека. Мария отшатнулась от него, выказав полное отвращение. А Сапега вел себя более непринужденно.

– Представляю тебе, моя дорогая, гостя из Речи Посполитой. Пожалуйста, будь с ним вежлива и обходительна, – заметил я.

Мария окинула меня раздраженным взглядом. Я понимал ее чувства. Для девушки, воспитанной религиозной и правильной, такой позор вынести было бы крайне трудно.

Сапега поклонился юной княжне, и, оскалив свою белоснежную улыбку, поприветствовал ее.

Покрасневшая Мария не смогла выдавить из себя ответную улыбку, а только слегка наклонилась в знак уважения и убежала прочь.

– Простите мою дочь. Она может быть чересчур благовоспитана. Не обращайтесь к ней. Она не будет злиться вечно.

Но Сапегу, впрочем, и не особо заботило, что о нем подумала моя старшая дочь. Его взгляд выдавал равнодушие.

– Ничего страшного, Ваше Сиятельство. Возможно, мне не стоило туда идти.

– Не волнуйтесь на этот счет, граф. Я бы хотел, чтобы Вы подружились с моими детьми.

– Obowiązkowo².

² (польск.) обязательно

За обедом граф беседовал только со мной и моим сыном, казалось, до девочек ему нет и дела. Мне приходилось делать всяческие попытки вести разговор так, чтобы к нему могли подключиться и мои дочери тоже, но, ни молодой граф, ни юные княжны не желали находить общего языка. Если Александра хотя бы изредка смеялась над шутками Сапеги, то Мария все время безучастно сидела с опущенной головой, не проронив ни звука.

– Мария, почему бы тебе не устроить графу экскурсию по дворцу. Дом у нас очень большой, тут легко потеряться. Покажешь нашу картинную галерею, завершите осмотр садиком со скульптурами, – вмешался я.

Дочь снова пронзила меня взглядом, полным возмущения.

– О да, галерея у нас и правда великолепная, – включилась в разговор Дарья Михайловна. За что я ей очень благодарен. Для дочерей она, как мать, всегда была более авторитетна, нежели я. Если супруга поддержит мою идею, дочери не посмеют выказывать неуважение. – Я согласна с Александром Даниловичем. Мария, окажи милость нашему гостю. Не капризничай.

– О дворце светлейшего князя молва ходит по всей Европе, – улыбнулся юноша. – Всегда мечтал воочию увидеть это творение. Конечно, если только княжна найдет для меня время.

– Дорогая, ты ведь не откажешь уважаемому гостю?

– Хорошо, я покажу вам дворец, – безрадостно ответила Мария. – Завтра после обеда.

Сапега улыбнулся ей в ответ и продолжил поглощать жареного голубя.

В тот вечер я считал своим долгом откровенно побеседовать с дочерью. Марии, конечно, был известен предмет нашего общения, поэтому разговор доставлял ей явное неудовольствие.

– Можете сразу перейти к делу, папа, – фыркнула она. – Я догадываюсь, зачем вы меня позвали.

– Тебе свойственна зрелость мысли, Мария. И ты необычайно хороша собой. Полагаю, пришло время выпустить тебя из гнезда, – начал я осторожно.

– Вы хотите от меня избавиться? – осуждающе спросила она. – Неужели я вам так мешаю.

– Ну что ты, милая! Если бы от этого не зависело твое счастье, я бы предпочел, чтобы ты всегда радовала мой глаз в этом доме.

Она смущенно опустила глаза.

Я действительно был горд тем, что моя дочь выросла красавицей, только щеки ее, пожалуй, немного круглы, от чего она выглядит младше своих лет. В ней гармонично сочетаются живость ума и детская непосредственность. Ее кожа бледна, но на скулах всегда присутствует румянец.

– Вы возжелали сосватать меня за графа Сапегу, не так ли? – прозвучал ее тонкий голосок.

– Именно. Я знаю, что ты невзлюбила нашего гостя. И меня это крайне удручает. Он создает впечатление человека просвещенного, благочестивого и полного искреннего участия в общественной жизни. Почему бы и тебе не разглядеть в нем эти качества?

– Есть в нем что-то, что меня отталкивает. Не замечали ли вы, как он невзначай задирает нос, когда обращается к прислуге?

– Не замечал. И тебе советую не обращать внимания на столь несущественные недостатки людей. Не становись заложницей своих предубеждений.

– Я полагала, ваше положение в обществе избавит нас с сестрой от необходимости выбирать спутников жизни исходя из соображений выгоды, – вздохнула девушка.

– К сожалению, мое положение не такое уж и прочное, моя дорогая, чтобы пренебрегать подобными союзами. Видишь ли, граф принадлежит к древнему роду, является польским магнатом, к тому же он камергер. У него блестящие планы на будущее, слышал, он намеревается быть пожалованным в стольники. Парень, между прочим, наследник большого состояния и земель в Коссово и Ляховичах. Его мать шляхетского происхождения. Он обладатель безупречной родословной. Это лучшая партия для тебя. Достойная.

– Как бы мне хотелось вам угодить, но я не в силах принять его, – продолжала она. – Увы, наличие у него великосветской родословной не способно пробудить во мне чувства.

– Не спеши его неосмотрительно осуждать, Машенька. Дай себе время. Постарайся к нему притереться. Чувства возникают случайно, достаточно одной искорки, – наставлял я дочь, внутренне ощущая себя предателем, желавшим укрепить свою власть за счет ребенка.

Она промолчала. Поклонилась и поспешила удалиться.

Обход дома молодым человеком занял два часа, не меньше. После этого они с Марией присоединились к нашему семейству за чашкой позднего чая, в ходе которого Сапега, будучи в превосходном состоянии духа, принялся оживленно описывать свои впечатления.

– Вижу, вы остались довольны внутренним устройством дворца, – поинтересовалась Дарья Михайловна.

– И внешним тоже, княгиня. А какое превосходное у дворца расположение. Никогда не видел столь красивого вида из окна! – заключил он.

– Папенька вложил в это место всю свою душу, – включилась Александра.

– Что правда, то правда. Мой муж ценитель прекрасного. Здорово, что вы смогли по достоинству оценить его старания.

– Я очень наблюдателен. Старался вглядываться в каждую деталь убранства. Некоторые элементы прямо-таки произведение искусства.

– Многое привезено из Англии и Голландии.

– И не забудь упомянуть о китайских полотнах, вышитых вручную, они висят на стене в одной из залов для приема гостей, – сказала жена.

– У вашего семейства отменный вкус, – продолжал льстить хозяевам молодой граф.

Мне бросилось в глаза, что Мария несколько сменилась к нему. Ее нрав, казалось, смягчился, и она более не смотрела на него с раздражением, а иногда даже сменяла тон на шуточный.

– Какие у вас планы на вечер субботы, граф?

– Совершенно никаких, княгиня. Если вам есть, что предложить, то я согласен не раздумывая.

– В императорском дворце устраивается бал. Будем рады, если вы составите нам компанию.

– С превеликим удовольствием, – ответил он. – Марья Александровна, не окажете ли вы мне честь станцевать полонез на предстоящем балу, – продолжил он после паузы.

Немного растерявшись от неожиданности, Мария смутилась, и смогла лишь кивком головы дать понять, что согласна, хотя и сделала это весьма неохотно.

Сапега определенно испытывал симпатию к моей дочери. Она подкупала его легкой непосредственностью. Его взгляд частенько скользил по ней, и некоторые ее размышления явно вызывали у молодого человека живой интерес.

Перед сном супруга поделилась со мной некоторыми наблюдениями.

– Этот юноша начинает мне нравиться, – начала она. – Нашим девочкам следует поддерживать с ним более близкое знакомство.

– Полагаю, он интересуется нашей Марией.

– Я заметила. Вот только, мне кажется, он Марии не подходит. Слишком уж она у нас чувственная. Ее так легко ранить любым неосторожным замечанием. Граф создает впечатление человека, не лишённого остроумия и, порой от него исходит некоторая резкость в общении.

– У Машеньки податливая натура. Она уживется с кем угодно.

– Ей нужен человек такой же простой, как она сама, который бы поднял с пола салфетку, которую она случайно обронила. Граф сегодня не удосужился этого сделать, хотя прекрасно видел, как салфетка выскользнула из ее тоненьких рученок.

– Понятно, в кого наша дочь такая осмотрительная. Вы обе слишком склонны замечать маловажные моменты.

– Хорошо, если ты считаешь его кандидатуру достойной нашей дочери, мне ничего не остается, как согласиться с тобой, – решительно заявила она.

Глава VI

Екатерина Романова

Июль 1725 года

Бал начался, как и положено, после заката. Гости постепенно пребывали во дворец из разных концов Петербурха. Я нашла себя в прекрасном расположении духа. Мои дочери и Карл-Фридрих непринужденно беседовали в центре зала, к ним время от времени подходили поздороваться и справиться о здоровье важные господа. Карл-Фридрих был необычайно учтив со всеми, каждому подошедшему он уделял достаточно внимания. Анна большую часть времени проводила подле мужа, любезничая с женами господ, которые вели светское общение с Карлом. Моя веселая Лизавет не покидала сестру, но время от времени не могла отказать себе поохотаться с молодыми девицами. Возле меня, конечно, постоянно кто-то пристраивался, чаще всего это были высокопоставленные дамы: графини и княгини. Они считали своим долгом развлекать меня на протяжении всего вечера, полагая, что без их глупой болтовни я могу заскучать. Обычно эти разговоры не уходили далеко от обсуждения чьего-нибудь туалета, а иногда дамы пускались высмеивать кого-то из знакомых.

Вместе с семейством Меншиковых во дворце появился Петр Сапега. Граф заметно выделялся своим истинным аристократизмом, гордой осанкой, уверенной походкой и очаровательной улыбкой. Девушки оборачивались ему вслед, подмечая все прелести его фигуры, а некоторые молодые мужчины смотрели на него презрительно, глазами, полными недоверия, а, может быть, и зависти. Тем не менее Петр не чувствовал себя не в своей тарелке, его поведение явно свидетельствовало о том, что он полон решимости завести на этом балу полезные знакомства, а также закружить в танце не одну прелестницу. Мария Меншикова практически не сводила с него глаз, хотя и усердно делала вид, будто он ей нисколько не интересен. Похоже, план Меншикова работает. Его дочь явно заинтересована гостем. Дарья Михайловна в свою очередь пристально следила за мужем, подмечая каждое его телодвижение. В какой-то момент она, вероятно, сочтя неподобающим то, что они не подошли ко мне, двинулась в мою сторону. Разговора с ней было не избежать.

– Дорогая Екатерина Алексеевна, как поживаете?

– Прекрасно, благодарю.

Женщина рассчитывала, что я в свою очередь поинтересуюсь ее делами, но я не стала тешить ее ожидания. Наступила короткая пауза.

К моему счастью, к нам подошел Меншиков.

– Катерина, я должен с тобой поделиться, – начал он, не заметив, что рядом стоит его жена. – Ты выглядишь сегодня изумительно. Давно я не видел тебя в таком роскошном платье. В этом зале нет более очаровательной женщины, чем ты.

Из-за моей спины показалась Дарья. Ее лицо было полно ярости. Она едва сдерживалась, чтобы не закатить скандал прямо тут.

– Может быть, если бы ты смотрел не только на императрицу, но на других людей тоже, то заметил бы еще некоторое количество милых дам, – язвительно произнесла она.

– Прошу, не начинай, – решительно ответил он. – Дома поговорим. Иди развлекайся, мне нужно обсудить кое-какие дела с Екатериной Алексеевной.

Оскорбленная, Дарья Михайловна была недалеко от того, чтобы сцепиться с мужем, но нежелание привлечь внимание людей, взяло верх над ее пошатнувшейся гордостью, и она удалилась.

– Ты был с ней чересчур жесток. Мне бы не понравилось, если мой муж поступил аналогично со мной, – заметила я.

– Я должен был принять меры, чтобы она оставила нас. Иначе от ее присутствия было не избавиться.

– Все равно, тебе не следовало ее обижать. Она пребывала в хорошем настроении, пока ты не явился и не начал рассыпаться в комплиментах ко мне.

– Опустим разговоры о ней. Сегодня отличный вечер. Нужно отдохнуть, как следует. С новой недели нас снова ждут серьезные дела.

– Вот тут ты прав.

Я подошла к столу с выпивкой, и, прихватив бокал вина, вернулась к собеседнику.

– Мне очень хорошо, Меншиков. Пожалуй, я позволю себе немного расслабиться. Ты пробовал это вино? Оно необычайно вкусное. Нам его отправил король Австрии в качестве презента.

– Еще не пробовал.

– Советую не терять время. Бери, – сказала я, протягивая ему свой бокал.

А сама я отправилась за еще одним для себя.

– Вижу, ты настроена отдохнуть сегодня по-крупному, – засмеялся он.

– О да, дорогой, – кокетливо подмигнула я, и, оставив Меншикова одного, пошла прохаживаться по залу.

Я наслаждалась отрадной атмосферой бала. Составить мне компанию решила одна из моих фрейлин. Мы прогуливались вокруг танцующих пар, смеялись от выходок придворных шутов.

– На вас все время поглядывает один молодой человек, – шепнула она. – Вот уж везет вам, Екатерина Алексеевна, мужского внимания хоть отбавляй. А как он красив!

Я оглянулась.

– Кто он? – недоумевала я. – Я ничего не заметила.

– Вон там, в дальнем углу стоит.

Я посмотрела туда, куда она указала. Мой взгляд тут же встретился с глазами графа Сапеги. Он и правда смотрел на меня. Заметив, что я его разоблачила, заволновался и поспешил перевести внимание на кого-то другого.

– Мы застали его врасплох, – засмеялась фрейлина. – Он прямо-таки засматривался на вас.

– Я не могла и представить, что он любит меня.

– Точно любит. Вы его знаете?

– Мне приходилось с ним общаться.

– Екатерина Алексеевна, если у вас с ним не завертится роман, пожалуйста, не скупитесь, отдайте его мне.

Я засмеялась.

– Ты что, Аксинья. Посмотри, сколько ему лет. Он мне в сыновья годится.

Я не стала упоминать также о том, что этот юноша без пяти минут зять Меншикова, дабы не дискредитировать Меншикова и самого Сапегу. В конце концов, мальчик мог просто засмотреться на меня, задумавшись о чем-то отдаленном, и даже не понять, что мог вызвать неправильные суждения о своих помыслах.

– Тем лучше, Ваше Величество. С молодым мужчиной вы зацветете вновь, почувствуете себя моложе, – не унималась женщина.

– Ну, полно тебе. Я не ищу себе любовника. Прекрати насмехаться.

Фрейлина расстроилась тем, что мы не сможем больше поддержать эту явно интересную для нее тему. Однако теперь ее внимание было полностью поглощено Сапегой. Она старалась снова поймать его на подсматривании за мной, но все было безуспешно, граф вел себя осмотрительнее, и более не дал Аксиные повода для обсуждения его.

Сентябрь 1725 года

– Я в положении, матушка, – радостно закричала Анна, вбегая в обеденный зал, когда я ела пудинг, запивая чаем, в компании Лизавет, Петра и Натальи за завтраком.

– Ты уверена? – живо отозвалась Елизавета, вскочив со стола.

– Я только что отпустила повитуху, она все подтвердила!

– О, моя драгоценная, – воскликнула я, погладив живот дочери. – Я безумно счастлива за тебя.

– Ты уже объявила мужу? – поинтересовалась ее сестра.

Анна помотала головой.

– Тебе непременно следует пойти и обрадовать его как можно скорее, – добавила я.

– Он сейчас не в духе. Пожалуй, я подожду лучшего момента.

– А что его расстраивает? – спросила Лиза.

– Ситуация с их родовой землей Шлезвиг, которую датчане упорно не желают возвращать. Карл рассчитывал получить ее еще при заключении мирного договора после войны. Они отдали Гольштейн, но вот Шлезвиг приберегли.

– Датчане никогда не стремились подружиться с нами, – возмутилась я.

– Карл считает, что их упрямство способно нанести ущерб попыткам русских дипломатов обеспечить гарантии Ништадтского мира. Он возомнил, что сможет вернуть себе шведский трон, – вздохнула Анна.

– Дорогая, не думаю, что у него это получится, – отозвалась я.

– Он переписывается со шведами регулярно, отслеживая все политические изменения.

– И что он добился хоть чего-нибудь? Все, кроме него знают, что вам не бывать королем и королевой Швеции, – засмеялась сестра, отправляя в рот кусочек сыра.

– Прошу тебя, Лизавет, – прошипела Анна. – Карл-Фридрих имеет титул королевского высочества, у него имеются все наследственные права на престол.

– Анна, королева Ульрика особенно позаботилась о том, чтобы Гольштинцы не получили доступа к шведскому трону. Швецией сейчас правит ее муж, фигура очень неоднозначная, он вцепился за власть зубами, поверь мне, он не отдаст вам права на Швецию.

Я расстроила дочь, но посчитала, что лучше ей изначально перестать строить иллюзии относительно ее возможного королевства на родине супруга.

– Если тебя это успокоит, то я не намерена отступать от курса твоего отца. Он поддерживал притязания Карла-Фридриха на Шлезвиг. Мы продолжим идти в этом направлении.

– Мне понятно твоё желание помочь зятю, – вдруг вмешался появившийся в дверях Меншиков, – однако позволь предостеречь тебя: начнешь настаивать на возвращении этой земли, испортишь отношения с датчанами и англичанами.

– Александр Данилович, – вскипела я, – почему вы позволяете себе подслушивать разговор матери с дочерьми, да еще и вмешиваться вот так бесцеремонно!

– Прошу прощения, Ваше Величество, но мне больно наблюдать, как вы собственноручно наносите вред своему государству.

– Меншиков, ты все чаще выводишь меня из себя. Похоже, тебе это доставляет удовольствие!

– Отнюдь. Я не хочу, чтобы ты наделала ошибок.

– Я говорила с сенаторами, они считают разумными наши действия в отношении Дании.

– Катерина Алексевна, у меня больше опыта в дипломатических делах. Прошу вас, прислушайтесь ко мне. Я действую исключительно в ваших интересах.

– Если у тебя все, пожалуйста, дай нам закончить обед.

– Я должен доложить кое-что. Это не займет у тебя много времени.

– Я слушаю.

– Петр Алексеевич, Наталья Алексеевна, – обратился он к детям. – Я бы хотел предложить вам покататься верхом вместе с моими детьми. Вы составите им компанию?

Внуки просяще посмотрели на меня.

Я улыбнулась им.

– Конечно, вы можете пойти покататься. Только соблюдайте осторожность.

– Спасибо, матушка, – сказал мальчик и, обняв меня, побежал собираться.

Наталья последовала за ним, уважив меня лишь поклоном.

– В Москве объявился один юноша, он настаивает на том, что он царевич Алексей.

Сказанное князем оказалось настолько неожиданным для моих ушей, что я подавилась булочкой.

Откашлявшись, я завопила: «Что? Как такое возможно?».

– Никто из тех, кто видел в лицо настоящего Алексея, пока не имел возможности с ним встретиться. Говорят, он сплотил вокруг себя местных сановников и кое-кого из духовенства, они ему поверили.

– Алексей мертв! – вскричала Анна.

– Тише, тебе нельзя волноваться, Аннушка, вступай в свои покои, отдохни. Я решу этот вопрос и навещу тебя. Лиза, и ты, пожалуйста, оставь нас с Александром Даниловичем одних.

Девочки откланялись и отправились в свои комнаты.

Фрейлины последовали за ними.

– Ну и? – не выдержала я. – Что там с Алексеем?

– Формально никто из официальных лиц не видел тело Алексея после его казни. Он был похоронен в гробу.

– Совсем никто не видел воочию тело Алексея? – я напряглась не на шутку.

– Только Петр. И двое его убийц. Но они оба погибли во время войны.

У меня начался приступ истерики. Я стала метаться по залу.

– Ты не отрицаешь, что он может быть живой, так?

– Прости, но я действительно не видел его труп.

– А что если он жив? Вдруг его пощадили, отправили тайно за границу, у него ведь были пути побега, так?! И вот теперь у него все основания вернуться и занять трон! А заодно и избавиться от меня и Лизавет.

– Катя, не тревожься раньше времени. Более вероятно, что это лишь самозванец.

– Мы должны принять меры! – кричала я. – Арестуйте и привезите его сюда. Я должна лично посмотреть ему в глаза.

– Предположим, это не он, его вздернут на дыбу. А что ежели по воле рока ты увидишь перед собой настоящего Алексея?

Я тяжело задышала.

– Саша, я не знаю.

– Ладно. Там решим. А сейчас я пойду, отдам приказ о его задержании.

– Постой! Скажи мне, его много кто поддерживает? Люди хотят его видеть на троне?

Он вздохнул.

– Видишь ли, Екатеринушка, у Алексея, если он жив, сейчас было бы больше всех прав на власть. Но так как твои подданные присягнули тебе на верность, теперь только на твои плечи ложится ответственность за решение судьбы России. Если он и правда жив, то тебе придется либо признать его царем и уступить место, либо казнить, но тогда даже я не могу гарантиро-

вать, что в стране не начнутся мятежи. Народ может взбунтоваться против тебя, и потребовать судить тебя, не иначе.

От его слов у меня закружилась голова.

– Как можно скорее нужно с этим покончить.

Возьми дело на себя. Его захват должен быть бесшумным и бескровным, не привлекайте внимание большого числа людей.

Меншиков помотал головой в знак согласия, развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

Тем временем на заседании Сената было неспокойно. Напряженная обстановка на внешнем театре вызвала тревогу у всех членов. За перипетиями споров сенаторов я следила с неослабным вниманием, хотя многого я не имела возможности понять. Как бы мне не было стыдно перед самой собой, иной раз я делала лишь вид, будто глубоко осознаю все, что говорили мне сенаторы. Одно я понимала точно: мнения их относительно абсолютной важности для России того или иного события расходились противоположно. И, конечно, в таком случае мне предстояло вмешаться и принять решение самостоятельно, но впервые в жизни я не знала, как мне действовать. Сейчас, когда Меншиков отправился в Москву для захвата лжеалексея, я почувствовала, что осталась без главного своего советника. Он так доступно объяснял мне, что происходит в государстве и за его пределами, всегда находил слова, чтобы действительно донести до меня суть, и на политических заседаниях я присутствовала с полной ясностью в голове. Теперь же, присутствуя на столь важных для своего государства мероприятиях, я ощущала только свою никчемность.

В отсутствие князя я все же решила избрать курс, против которого он выступал. Я посчитала своим долгом перед Анной помочь ее супругу сделать то, о чем он грезит всей душой. И, хотя некоторые сенаторы, так же как Меншиков, были категоричны в вопросе выступления против датчан, большая их часть поддержала Карла-Фридриха, и разработанный им план был безоговорочно принят. В результате Россия начала вести переговоры с австрийским королем Карлом. Нам сыграло на руку, что император Петр некогда был на хорошем счету у Карла, поэтому венский союз не заставил себя долго ждать. Более того, Карл похлопотал о новых союзниках в лице Испании и Пруссии. Недолго думая, датчане сошлись с французами, англичанами, шведами и голландцами, создав Ганноверский союз. Мы официально оказались на грани новой войны. Пока русское правительство готовило экспедицию на Шлезвиг, на Балтике датчане и англичане устроили военную демонстрацию. Нам чудом удалось избежать столкновения, направив туда переговорщиков.

На кавказском направлении нам везло куда больше. Корпус, отправленный туда некоторое время назад, вернулся с известием о том, что мы отбили персидские территории. Турки и персы вынуждены были отступить, а Россия прибрала к рукам Ширванскую область.

Ноябрь 1725 года

Я легла поздно, совсем не хотелось спать. После веселого бриджа в компании сенатских жен я осталась перевозбужденной. К тому же в покоях было до жути душно, казалось, что я вот-вот задохнусь от нехватки воздуха. Я все еще откашливала табачный дым, плотно осевший в горле.

Перед тем, как отправиться в постель, я выпила рюмку бренди, которую заботливые постельничьи бабы готовят теперь каждый вечер. Без этого я совершенно не могу уснуть. Однако сегодня не спасла и эта мера. Полчаса я пролежала, раскинув ноги и руки по сторонам, в попытках заснуть, но я только переворачивалась с боку на бок каждые две минуты. Потеряв

надежду поспать этой ночью, я вскочила с постели, да так резко, что закружилась голова, пришлось опереться о стойку балдахина.

Чем еще занять себя ночью, как не выбраться в зал-галерею. Мне нравится тут прохаживаться, здесь обычно гуляет свежий сквозняк.

Дойдя до половины зала, я резко остановилась. Мой взгляд приковала чья-то смутно виднеющаяся крупная фигура чуть поодаль меня.

– Кто тут? – тихо справилась я.

Тишина.

Я повторила свой вопрос уже более громко, но ответа все также не последовало.

Меня изрядно напугала это безмолвие, и я решила уже позвать стражу, но внезапно в незнакомце стали разглядываться до боли знакомые черты лица. Я долго не могла прийти в себя. Просто стояла, будто в оцепенении с приоткрытым ртом. Фигура была прямо напротив меня, не шелохнувшись.

– Петр, – в исступлении произнесла я.

Он снова промолчал. Его темные серьезные глаза смотрели прямо на меня так, как раньше. Это был тот самый его взгляд, который я не забуду никогда.

– Я скучаю по тебе, душа моя, – начала я, пододвигаясь к нему.

Он был невозмутим, снова не выронил ни слова. Но теперь он сдвинулся с места, повернулся ко мне спиной и медленным шагом направился прочь.

– Я ждала тебя многие дни и месяцы. Уже было думала, ты не появишься. Я тебе очень рада, – продолжила я, следуя за ним.

Скоро я догнала его, но не стала опережать, а просто шла за ним. Казалось, еще ближе и я вновь вдохну запах его кожи. Но чем больше я старалась с ним сблизиться, тем дальше он отходил от меня.

– Ты знаешь, Аннушка вышла замуж. Помнишь, ты мечтал об этом? Свадьба прошла изумительно, все было, конечно, на высшем уровне. Думаю, она счастлива. Правда, Меншиков теперь не счастлив, – едва договорив, рассмеялась я.

Он обернулся и посмотрел на меня, как бы ожидая, что я продолжу говорить. И я не стала заставлять его ждать.

– Они не ладили с нашим зятем. Меншиков считает Карла Фридриха выскочкой, А Карл-Фридрих делает попытки войти в сенат.

Петр пошел дальше, а я за ним. Он шагал в свойственной ему манере, немного прихрамывая левой ногой, руки держа за спиной, сутулясь и оглядываясь по сторонам.

– Тебе, наверное, не хватало твоей картинной коллекции, да? Я помню, как ты их любил и с каким трепетом относился к холстам и подрамникам.

Он никак не реагировал на мои слова, но когда я делала паузы, он останавливался и продолжал идти только, когда я начну говорить.

– А я вот держусь, Петрушенька. Стараюсь, тяжело мне очень без тебя, родного. Ты один мне поддержкой был всю жизнь, и ты один был мне нужен как воздух. Теперь я совсем одна. В окружении многих людей, но все равно одна. Постель моя холодна аки во льду лежу, и спать толком не могу. Выпиваю, хоть это меня утешает до поры до времени. Я рада, что ты пришел, мой дорогой. Я тебя ведь каждую ночь зову, вот поверь, каждую ночь. И снишься мне постоянно, во снах моих мы вместе, гуляем по парку, на лошадях гоняем, бывает, я сижу, а ты, как любишь, голову мне на колени положишь и засыпаешь, а я пряди твои пальчиком ласкаю. С утра встаю, а тебя снова нет. Поплачу, и пойду дела делать. Вот так каждый божий день, Петрушенька. Чего же ты раньше не приходил? Я ведь жду тебя, жду всегда, уже думала напрасно жду, а ты вот и явился. Сам ангел меня сегодня в галерею направил. Знала бы, что ты тут бываешь, каждую ночь бы прибегала.

Петр остановился около одной картины и стал на нее пристально вглядываться. Я взглянула на нее. Там была изображена флотилия.

– Ну, конечно же, как я могла забыть. Обо всем тебе рассказала, а о твоём любимом флоте забыла. Хорошо, что напомнил. Я твоё дело продолжаю, не беспокойся. Корабли строятся, слежу за этим. Верфи не заброшу, поддерживать буду, и Лизавете завещаю.

Удовлетворенный моим ответом, Петр зашагал дальше.

Внутри меня все трепетало, впервые с момента его кончины я задышала полной грудью, и впервые с тех пор почувствовала себя счастливой. Мы шли вместе недолго, но по моим ощущениям это длилось целую вечность. Я будто заново жизнь прожила.

В конце зала он обернулся, я потянулась к нему, желая поцеловать, но он вмиг исчез. Я снова осталась с опустошенной душой. Как же не хотелось его отпускать. Но от меня ничего не зависело как обычно. Сейчас он сделал то же, что и всегда. При жизни он покидал меня на долгие месяцы, отправляясь на поля войны, а мои просьбы остаться, никогда не звучали для него всерьёз. Такова была моя участь.

– Ваше Величество, вы не замерзли ночью в галерее? – осторожно поинтересовалась горничная, когда пришла будить меня утром.

– О чем ты? Я не была в галерее. Ты видела кого-то другого, – возмутилась я.

– Нет, нет, что вы, это точно были вы. Я вас ни с кем не перепутаю. К тому же, вас было легко узнать по голосу.

Я уставилась на девушку.

– Вы что же ничего не помните, госпожа? – искренне негодовала она.

– Я не могу помнить того, чего не было. Ночью я абсолютно точно спала.

– Как скажете, Екатерина Алексеевна.

Слова горничной навели меня на размышления. У нее не было повода лгать мне, к тому же работает она во дворце уже многие годы, и ни разу не была уличена ни в чем предосудительном.

– Постой, – позвала я, когда она уже собиралась покидать комнату. – А с кем я говорила в галерее?

– Больше я никого не видела. Вы были одни. Мне подумалось, мысли вслух выражали.

– Как странно, что я ничего такого не помню.

– Вы выпили много бренди, госпожа, наверное, поэтому ничего не отложилось в памяти.

– Всего одну рюмочку. От него я не могла лишиться памяти.

– Разве же только одна, госпожа. Вы выпили половину графина, – мямлила девушка, показывая на мой прикроватный столик.

Я ахнула, обнаружив, что на нем стоял полупустой графин, а рядом валялась рюмка.

К несчастью, мне пришлось принять, что я действительно вчера напилась, и зачем-то меня понесло в галерею, где я еще и разговаривала, вероятно, сама с собой.

– Ваше Величество, желаете, чтобы я позвала медика? – спросила настороженная горничная.

– Нет, – крикнула я. – Оставьте меня.

Глава VII

Александр Меншиков

Декабрь 1725 года

Найти лжеалексея в Москве не составило труда. В городе почти каждый слышал о нем, и знал, где его можно отыскать. Я обнаружил его в подвале дома местного кузнеца. Это, конечно, был не настоящий Алексей. Немного похож, но я мог дать голову на отсечение, что передо мной стоял совершенно другой человек. Все случилось быстро: мужчина не успел сообщить, что к чему, как уже был схвачен гвардией, помещен в экипаж с клеткой, и отправлен в Петербург. Разумеется, не обошлось без небольшого бунта, который попытались учинить его сподвижники при захвате. Половина мятежников была заколота на месте, другая половина отправилась вслед за самозванцем.

Обстоятельства в Петербурхе складывались неблагоприятно, что вынудило меня не задерживаться в Москве. Я опасался того, что в мое отсутствие зять императрицы станет проворачивать что-то недоброе против меня. Об этом, по крайней мере, свидетельствовала его переписка с другом, которую я тщательно отслеживал.

Екатерина была не на шутку обеспокоена нашему приезду. Однако тут же успокоилась, когда я объявил ей, что настоящего Алексея Петровича все-таки нет среди живых.

– Я очень переживала, Меншиков. Ты обрадовал меня. Спасибо, Господи, что пощадил свою покорную рабу.

Она перекрестилась.

– Тебе больше не о чем беспокоиться. Я уладил все сопутствующие дела в Москве. В газетах уже напечатали, что тот, кто выдавал себя за Алексея, оказался простым ямщиком, который каким-то чудом раздобыл денег на кампанию против тебя. Он рассчитывал, что ему удастся убедить народ в том, что Петр не мог казнить своего сына, и якобы тайно отправил в Москву. В ходе допросов его адептов, выяснилось, что он также занимался алхимией.

– Я хочу его видеть, – заявила Екатерина.

– Уверена, что стоит? Скажу прямо, выглядит он весьма безобразно и все время ругается бранными словами.

– Не важно. Я должна своими глазами убедиться, что это не он. Иначе до конца жизни буду не в ладах со своей совестью.

– Хорошо. Я распоряжусь, чтобы его привели.

– Нет, не стоит водить его во дворец. Не будем нарушать здешний покой, – улыбнулась она. – Я сама посетую его в каземате.

После обеда мы отправились в темницу, где томился несостоявшийся Алексей и те, кто его поддерживал.

Как я и ожидал, Екатерина пришла в ужас при виде мужчины. От него разило смрадом, жирные пакли волос торчали во все стороны.

Увидев, что к нему пришла важная посетительница, узник подошел к решетке. Он поглядел на женщину совершенно безучастно, явно не догадываясь, кто перед ним стоит. Краем уха я услышал победный выдох спутницы.

– Как посмел ты порочить честь царевича? – неожиданно спросила она.

– А вы еще кто такая? – огрызнулся он.

– Перед тобой стоит Ее Величество императрица, – крикнул я. – Тебе надобно поклониться.

Мужчина захохотал. Потом попытался плюнуть в Екатерину, но она успела отпрянуть.

– Я не признаю женщину во главе государства! – съязвил заключенный хриплым тембром. – И многие в Москве не признают. Поэтому мне так легко и поверили. Народу нужен настоящий монарх, мужчина, как и было всегда, а не безызвестная прачка-содержанка.

Глаза Екатерины налились кровью, она развернулась и пошла прочь, закричав: «Казнить немедленно самозванца!».

Екатерина более о нем не справлялась.

Решение императрицы было исполнено через три дня. Хапугу лишили головы на площади, перед сотенной толпой, в назидание о суровости наказания за подобные проступки.

Спустя еще неделю в Петербурхе состоялось торжественное открытие Академии Наук. Все внимание большого города было приковано к этому событию. Возле Екатерины собралось большое количество людей, желавших польстить ее тщеславию. Она и правда была довольна собой, ведь целиком и полностью это была ее заслуга. Появление в России Академии означало наше продвижение в сторону просвещения. Императрица внезапно почувствовала некоторую восторженность своей персоной, в этот день она блистала. Собравшиеся вокруг нее люди, упражнявшиеся в раболепии, так и не дали мне ее поздравить.

– Русские дворяне чрезвычайно напыщенны, – заметил Сапега вечером на балу в честь открытия. – Иной раз я затрудняюсь отличить аристократа от шута.

– Вам стоило бы быть несколько менее высокомерным, юноша. Такими темпами вы рискуете впасть в немилость здешнего общества.

– Советуете мне стать таким же, как они?

– Это совсем не обязательно. С вас будет достаточно, если вы просто перестанете насмехаться над ними.

– О нет, князь. Этого я не могу себе позволить. Как же иначе я буду развлекаться?

– Высмеивание других людей не лучшее для вас занятие, – строго ответил я. – Вы сегодня не в духе? Ведете себя словно взбалмошный мальчишка.

– Напротив, я даже очень весел. Полагаю, на меня таким образом действует портвейн.

– Тогда рекомендую не увлекаться чересчур портвейном.

– С вашего позволения я приглашу Марью Александровну на менюэт.

С этими словами и довольной ухмылкой парень направился к моей дочери.

Я же стал искать в толпе Екатерину, и нашел не скоро. Она, как водится, стояла, прислонившись к фуршетному столу с выпивкой. С великим наслаждением она отпила бокал рейнвейна, а затем положила в рот две виноградинки, от чего ее щеки стали казаться еще пухлее.

– Ты похожа на ребенка, которого взрослые оставили без присмотра, и он, воспользовавшись случаем, решил испробовать запретный напиток, – сказал я с улыбкой, подходя к ней.

Она промолчала, продолжая поглощать фрукты.

– Когда ты стала выпивать, Екатерина? Я раньше за тобой не замечал. Теперь ты прям завсегдатай пьяных вечеринок.

– Ты же сам хотел, чтобы я вернулась к жизни. Вино и бренди – лучшие помощники в этом деле.

– Мне кажется, ты не совсем в курсе своих возможностей и их пределов.

Женщина косо на меня посмотрела.

– Ты о чем?

– Твоя служанка проболталась, что у тебя от пьянок уже бредни начались. Ходишь по ночам одна, разговариваешь сама с собой.

– А ты моей жизнью так сильно не интересуйся. Лучше займись своими детьми.

– Иногда и ты ведешь себя как непослушный ребенок. Все, что я прошу тебя не делать, ты делаешь, – сказал я строгим тоном.

– Ты меня меньше поучай, тогда перестанешь разочаровываться, – раздраженно проговорила она и ушла прочь.

Глава VIII

Екатерина Романова

Январь 1726 года

В Рождество, собрав внука, внучку и Елизавету, я отправилась в имение Меншиковых на званый ужин. Анна с мужем значились в числе визитеров, но вынуждены были отказаться из-за начавшей мучить Анну сильной поясничной боли. Лекарь запретил ей надевать на себя корсет, поэтому теперь она могла носить только пеньюары, отчего почти не выходила из своих покоев. Благо, ее муж всегда был при ней, и я не переживала за ее состояние.

Гостеприимство было оказано нам должным образом. Мы, разумеется, прибыли позже всех остальных приглашенных. После чего ужин тотчас же начался. Петрушенька закапризничал и попросился усадить его подле меня, хотя его место было обозначено рядом с Александром Даниловичем. Мой внук не жаловал Меншикова, считая его главным виновником в смерти своего отца, оттого он его боялся.

– Вы собрали сегодня поистине изысканное общество, князь, – похвалила я друга, как только все гости приступили к трапезе. – Приятно находиться среди столь уважаемых господ и дам.

– Благодарю, Ваше Величество. Сегодня особенный день, не только в свете Рождества Христова, но еще по одному светлomu поводу, озвучить который я позволю себе чуть позже. А сейчас, дорогие гости, наслаждайтесь чудесной уткой под сладким соусом, пока она не остыла. Рецепт мне удалось раздобыть у одного знаменитого королевского повара, когда я гостил при дворе в Вене.

– Утка вышла божественной, – подхватил кто-то из присутствующих.

– О, да, князь, вы всегда умели удивить высший свет России чем-то заграничным, – подхватил другой.

– Ваше Величество, позвольте поинтересоваться, как наши успехи на кавказском направлении? – спросил князь Куракин.

– Александр Борисович, право же, я ехала сюда с надеждой, что мне не представится случай говорить о политике.

– Действительно, князь, – вмешался Меншиков. – Мы собрались сегодня не дела обсуждать, а отдохнуть и поздравить друг друга с Рождеством. Екатерина Алексеевна, вероятно, и слышать не хочет о военных делах.

– Вы правы, Александр Данилович, но коли уж князь задал вопрос, я не могу его проигнорировать. Отвечу кратко – на Кавказе у нас успех, персы сдались через несколько дней осады.

Все в зале стали аплодировать.

– За это нельзя не поднять бокалы! – крикнул кто-то.

Закончив трапезу, Меншиков обратился ко всем присутствующим. Вступление его было слегка затянутым, но вот конец речи произвел на всех впечатление. «Горд сообщить вам, что моя дочь, Мария, и наш достопочтенный гость из Речи Посполитой, граф Петр Сапега, решили скрепить свои судьбы узами брака». Его слова вызвали всеобщее удивление, ведь никто при дворе, кроме меня, не знал о матримониальных планах князя относительно своей дочери. После короткого поздравления молодых людей и аплодисментов по столу прошлось шушука-

ные. Люди говорили разное. Я подслушала разговор трех особ, расположившихся неподалеку от меня.

– Она же еще так молода для брака, совсем дитя.

– Вот-вот, моя дочь того же возраста, что и Марья Александровна, так она еще в куклы любит поиграть, а эту уже замуж отдают.

– Князь ни перед чем не остановится, лишь бы найти для себя выгоду, – вторила третья.

Я обратила свой взгляд на молодых. Мария, воспитанная в пуританском духе, вела себя как всегда сдержанно, почти не говорила, лишь кивком головы принимая поздравления. Ее щеки заметно горели от избытка внимания, она застенчиво опускала голову. Судя по ее искренней, но едва уловимой улыбке она была действительно счастлива. Видно, Меншикову все же удалось склонить ее к Сапеге. Зато жених скромностью не страдал, он купался в лучах многочисленного внимания к своей персоне, лишь изредка поглядывая на свою невесту. Он, в отличие от нее, отвечал на поздравления, не скупясь на слова. Отточенность его стиля речи подкупала всех. Молодой человек обладал редчайшими внешними данными: крупный стан, мускулистые плечи, широкое лицо, слегка загнутые брови, огромные черные глаза, тонкий вытянутый подбородок и жилистая шея. Он поистине мог похвастаться тем, что является едва ли не самым красивым мужчиной при дворе. Сознующий свое превосходство над окружающими, он чувствовал себя хозяином положения. В целом дворяне отнеслись к нему благосклонно.

Больше всех, конечно, радовался сам Меншиков. Довольный собой, он сидел во главе стола, наблюдая за реакцией публики на новость о помолвке.

– Поздравляю вас, Дарья Михайловна, – сказала Елизавета, когда та проходила мимо.

– О, Лизанька, дорогая, спасибо.

Так как я находилась рядом с ними, мне пришлось тоже поучаствовать в диалоге.

– Помолвка удалась. У вас прекрасный зять, княгиня. И еще более прекрасная дочь. Уверена, они составят блестящую партию.

– Дай Бог, Катерина Алексевна.

После ужина народ стал разбредаться по компаниям. Более молодые сразу же стали развлекаться танцами, попросив Марью Александровну сыграть на клавесине. А ее младшая сестра вызвалась петь. Самые старшие гости образовали небольшой светский кружок, расположившись на четырех софах в самом дальнем углу комнаты. Остальные заняли себя игрой в преферанс, собравшись вокруг обитого зеленым бархатом дубового стола. Я присоединилась к их числу.

Игра была энергичной, мы вели себя довольно шумно, не заметив, как нас захватил серьезнейший азарт. Поглощенная игрой, я и не заметила, как проиграла кругленькую сумму. Везло только Сапеге. Он ловко играл, складывая возле себя куш.

В перерыве я решила проветриться и отправилась на балкон. Вдыхая ароматный речной воздух, я наполняла легкие свежестью. Неожиданно за мной появился Сапеге. Он будто подкрался тихо. Я не сразу его услышала, поэтому, когда он начал говорить прямо под моим ухом, я подпрыгнула.

– Вы напугали меня, граф, – сказала я.

– Простите, Ваше Величество. Напугать вас не входило в мои планы, – усмехнулся он.

– А что же входило?

– Я не знал, что вы тоже тут. Единственным моим желанием было уединиться на время, передохнуть.

– Что ж, тогда вам следует поискать другой балкон. Этот я вам не отдам.

– Мне расхотелось уединяться. Находиться в вашем обществе мне представляется более занятым.

– Как вам удалось попасться на удочку Меншикова? Мне думалось, вы птица свободного полета, и брак не для вас, по крайней мере, сейчас.

– Вы меня раскусили, – фыркнул юноша. – Я и правда не помышлял о браке, но как говорится в Священном Писании «пути Господни неисповедимы».

– Чего вы ждете от этого супружества?

– Пока что я не задавался этим вопросом.

– Вы хотя бы влюблены в свою избранницу?

– Марья Александровна, безусловно, нравится мне. Она красива, нежна, умна.

– Ей всего лишь четырнадцать лет. Вы намного старше ее. Понимаете ли вы, Петр, что творится в голове у столь юной девушки? Способны ли вы дать ей то, что она в вас ищет?

– У нее, как и у любой девчурки ее возраста, сейчас ветер в голове. От супруга она может ждать только внимания.

– Все же Мария развита не по годам, я бы не сказала, что она неразумна. Мне кажется, вы еще не успели ее понять.

– Не знал, что вы упражняетесь в чтении людей.

– Чтобы уметь понимать людей, мой дорогой, не нужно заниматься изучением человеческой природы, нужно пожить. Эти знания приходят с годами.

– Вы необычайно мудры, Ваше Величество. Признаюсь, вы попали в точку. Мария Александровна, возможно, излишне молода для меня. Я бы, конечно, предпочел найти себя рядом со взрослой умной женщиной, тем не менее, подлинно могу вам заявить, что я испытываю к моей невесте симпатию, и тешу себя надеждой, что с годами наш союз способствует возникновению у нас обоих любовных чувств.

– Мария Александровна, кажется мне, в вас безумно влюблена. Полагаю, вы включили все свое обаяние, чтобы добиться этого. Но, прошу вас, не думайте, что я пытаюсь лезть не в свое дело. Я лишь поделилась с вами своими наблюдениями. Пожалуйста, не разочаруйте девочку. Я тепло к ней отношусь, и знаю, насколько она ранима. Быть ее супругом – дело сложное, но зато в невесты вам досталась одна из красивейших девушек Петербурха, к тому же, она самая неиспорченная из всех, кого я знаю. Желаю вам обрести счастье, граф.

Юноша низко поклонился мне и поцеловал руку.

– А что насчет вас? – неожиданно спросил он.

– О чем вы?

– Вы красивы и все еще молоды. Не пристало такой женщине долго вдовствовать.

– Вы невероятно бестактны, граф, – возмутилась я. – Как посмели вы говорить такое!

– Простите меня. Я решил, раз мы откровенно обсудили мою личную жизнь, то я могу поинтересоваться и вашей.

Я засмеялась.

– Ох, Сапега. Откуда в вас столько самоуверенности?

– Не вижу в этом изъяна.

– Это, разумеется, не изъян, хотя этим качеством вы, вероятно, не редко смущаете людей.

– Бывает, – улыбнулся он. – И все же, ответьте на мой вопрос. Мне интересно.

– Я не помышляю о повторном замужестве. Меня это не интересует.

– Неужели вы поставили на себе крест?

– Мой крест – моя любовь к покойному мужу. Я не в состоянии быть с другим мужчиной, мои чувства умерли вместе с ним.

– Благодарю, что поделились. Для меня большая честь быть вхожим в ваш круг доверия.

– Пойдемте, Сапега, в такой день нужно веселиться. У меня появилось сильное желание выиграть у вас в карты.

Мужчина взял меня под руку, и мы вернулись к нашей карточной компании.

Глава IX

Александр Меншиков

Февраль 1726 года

На заседании Сената больше всех выступал зять императрицы. Именно благодаря его близкому родству с ней члены собрания были склонны во всем с ним соглашаться, дабы не нанести вред своей репутации, впав в немилость государыни. Время от времени сенаторы не брезговали даже выказывать Карлу-Фридриху лестные комплименты. И конечно, всех радовало, что наконец-то во властных кругах появился хотя бы кто-то, кто взялся открыто противостоять мне. Мое раздражение поступками Карла тем временем неуклонно росло, и я порой едва мог сдержать себя от выражения гнева в его сторону. Положение, которое он занимал в обществе, заковывало меня в возможностях открытой конфронтации. На руку голштинцу было и то, что Екатерина всячески его поддерживала. Это немое противостояние между нами угрожало стать причиной ослабления моих дружеских связей с Катериной.

– Как и обещал, господа, я хорошо поработал в эти месяцы, и вот, что из этого вышло, – начал он сразу после открытия собрания. – План учреждения совещательного органа, которому подчинялись бы Сенат и все коллегии. Я подготовил все необходимые бумаги. Прошу вас, взглянуть на них.

– Шустрый вы, однако, – заметил я.

– Я, князь Меншиков, искренне хлопочу на благо Российской Империи, мне не безразлична ее судьба.

– Как это забавно, что о России пекутся в основном иностранцы, а не сами русские, вы не находите?

– Вероятно, потому что русские слишком заняты стяжательством, в то время, как иностранцы честно делают свое дело, – самодовольно ухмыльнулся он в ответ. – В этом и есть разница между европейцами и русскими. Вами движет жажда к наживе, такова ментальность любого русского человека, вы не умеете пресыщаться, чем больше попадает вам в руки, тем больше вы тянитесь к чужому. Оттого в вашей стране народ никогда не будет жить в достатке. Вы не даете людям отрезвиться, чтобы умы не включали, да жили в вечной терпеливости, полагая свою жизнь на пресытившихся чиновников.

В течение следующих двух часов сенаторы рассматривали бумаги, принесенные Карлом-Фридрихом, обсуждали его идеи, затем озвучили свои предложения по улучшению плана, и, в конце концов, приняли его практически без изменений. Заканчивая заседание, мы провели голосование по поводу состава нового органа. Затем был подготовлен указ, который оставалось только подписать императрице, что она и сделала на следующий день. Возглавлять Верховный Тайный Совет, разумеется, был назначен сам его автор. На этом настояла императрица.

– Как ты можешь всесильно доверять ему? – решительно спросил я, ворвавшись в покои Екатерины вечером.

– Разве у меня есть повод ему не доверять? – спокойно спросила она, продолжая расчесывать свои волосы.

– Он появился при дворе совсем недавно, а ты уже передаешь ему все бразды правления! Мы пока не знаем толком, что он из себя представляет, и какие идеи ставит своей целью.

– Меншиков, я понимаю, что ты хотел бы стоять у руля Тайного Совета, но государству нужны новые люди. Я бы, конечно, была всеми руками за тебя, если бы ты не приобрел столько противников. Никто не желает видеть тебя во главе. Ты ни к кому не прислушиваешься, все делаешь так, как решил сам.

– Разве я хоть раз ошибся в государственных вопросах, Екатерина? Петр доверял мне, как самому себе! Наверное, не зря, а потому что считал меня лучшим политиком. Он советовался со мной по каждому вопросу, и всегда во всем принимал мою точку зрения, даже если другие были убеждены в моей неправоте. А что делаешь ты? Своими действиями ты провоцируешь недоверие ко мне. Ставишь под сомнение мой авторитет! Ты должна быть за меня хотя бы из чувства благодарности! Это я тебя сделал!

Екатерина уставилась на меня, выкатив глаза. До меня, конечно, сразу дошло, что я перегнул палку, но сказанных слов было уже не вернуть. Ее щеки наполнились кровью, теперь она тоже впала в бешенство.

– Что? – закричала она после некоторой паузы. – Так вот какого ты мнения о нашей дружбе! Считаешь меня обязанной тебе. А я то, дура, думала, что мы друг другу близки, и между нами нет долгов. Если уж на то пошло, то и я не раз вытаскивала твою голову из-под виселицы, забыл? Сколько раз ты был на волосок от немилости государя, и сколько раз я бескорыстно приходила тебе на помощь! А когда люди стали отворачиваться от тебя из-за твоих барских замашек, не я ли поддержала тебя, не я ли была той единственной, кто помимо твоей семьи, находилась с тобой рядом?

Встревоженный, я слушал ее с замиранием сердца, осознавая, что пришел конец нашим отношениям. Я понимал, что она теперь не захочет видеть меня в течение длительного времени, пока ее досада не уляжется.

С минуту мы простояли молча, оба в попытках унять свой гнев. Отдышавшись, я попытался взять женщину за руку. Она одернула ее и отвернулась от меня.

– Прости меня, – прошептал я. – Я наговорил глупости, на самом деле, у меня нет таких мыслей.

– В моменты ярости мы всегда говорим то, что на душе, – спокойно сказала она, поджигая табак, чтобы закурить.

– Это не тот случай, поверь мне, Катеринушка. Сам не ведал, что молвил. Бес попутал. Разозлился, да и вышел из себя.

– Ладно, чего уж теперь.

– Пообещай, что про этот разговор помнить не будешь.

– Обещать не могу, больно задел. Но постараюсь. Может со временем и забудется.

– Великодушная моя Катерина.

– Не называй меня так! И кстати, князь, до тебя дело имеется. Дипломаты доложили, что Курляндский герцог все чаще на болячки сетует. А ведь ему уже далеко за семьдесят.

– Ну и что?

– А то, что наследничков он так и не родил.

– Я все это знаю, Екатерина.

– Хочу своего человека поставить следующим герцогом. На ум пришла твоя кандидатура. Что думаешь?

– Предложение заманчивое. Курляндское герцогство – лакомый кусок.

– Ну, так что? Возьмешься за это дело?

– Нечего и спрашивать, дорогая.

– Имей ввиду, мне настоятельно советовали отправить в Курляндию Карла-Фридриха, но я все же решила отдать это место тебе.

Обрадованный известием, я отправился по своим делам. Всю следующую неделю я предвкушал, как стану новым герцогом. Но желаемому оказалось не суждено сбыться. Всему виной

стал ненавистный Карл-Фридрих. На первом заседании Тайного Совета он вручил императрице челобитную с просьбой отстранить меня от членства, ввиду моего недостойного поведения в должности. Два часа все выслушивали его пылкую речь о том, что я веду непомерно роскошный образ жизни на казенные деньги, вымогаю взятки у торговцев и землевладельцев, обещая взамен покровительство в фискальных делах, а также о том, что жалованье, которое мне назначено по службе явно не соразмерно с тратами, которые я фактически осуществляю.

Екатерина была удивлена его разоблачением не меньше меня. Кажется, она оказалась разочарована в своих ожиданиях от зятя. Он возомнил себя достаточно могущественным, чтобы вести откровенную кампанию против меня. Императрица упустила его амикошонские наклонности из-под контроля, она не предусмотрела такого исхода от наделения Карла-Фридриха властными полномочиями. Завершая свое слово, он бросил на меня триумфальный взгляд, полный восторга и гордости за себя. Мужчина не преминул потребовать от императрицы отменить ее решение о моем назначении в герцогство. Остальные члены, имевшие право голоса, посодействовали оратору. Екатерина проявила упорство и настояла на том, что я должен остаться в Совете. «Это не стоит даже обсуждения! Совет нуждается в таком опытном государственном деятеле, как Александр Данилович», – твердо заявила она.

– Ты оказался прав, – вздохнула она извиняющейся интонацией, когда мы остались одни. Я оставил ее слова без ответа.

– Алексашка, скажи что-нибудь. Я чувствую себя такой виноватой перед тобой.

– Твой зять очень словоохотлив. Выражаться он умеет. Должно быть, ночами упражняется в оттачивании ораторского мастерства.

– Я бы ни за что не допустила этого, если бы только знала, что он готовит на тебя компрометирующие сведения.

Я ограничился лишь кивком.

– Неужели ты мне не веришь? Думаешь, я могла бы растоптать тебя?

– Естественно я тебе верю. Не обессудь, но я не настроен сейчас на разговор. Мне нужно побыть одному.

Придя домой, я тут же отправился в свой кабинет, где наконец-то смог предаться своему гневу. На пол полетели все предметы, мирно лежащие на рабочем столе. Затем, немного успокоив нервы, я откинулся на спинку кресла, и поток моих мыслей обратился на придумывание плана по устранению врага.

Карл-Фридрих сам вырыл себе яму, его обостренный интерес к моим делам вынуждал меня принять меры, забыв о том, что тягаться придется с родственником Екатерины. На самом деле, в тайном ящике стола, запертом на ключ, уже давно имелись неопровержимые доказательства того, что он работает на два правительства, и вся его деятельность в России напрямую связана с политикой Голштинии. Упрочив влияние здесь, он намеревается поправить свое положение там. В моих силах представить сей факт как предательство русских интересов. Карл не учел, что мои лазутчики могут оказаться незамеченными в любом месте. Каждый день мне приносили депеши, свидетельствующие о его виновности, и я тщательно хранил их до той поры, пока он не перейдет за грани моего терпения. Теперь, когда он считает, что уничтожил меня, я обрушу на него всю свою мощь. Он узнает, что значит соперничать с князем Меншиковым.

Не теряя времени, я стал складывать бумаги и, закончив к концу дня, поспешил отправиться к императрице.

Она по обыкновению в это время дня прогуливалась по парку в компании внуков. Раскланявшись, я сразу же попросил Екатерину уделить мне время в ее рабочем кабинете. Поцеловав в лоб своих подопечных, она попросила их продолжить прогулку без нее.

– Ты что-то задумал, да? – с предостережением спросила она, пока мы шли.

– Не по своей воле, меня вынудили.

Дама поняла, о ком идет речь, и какого рода сообщение я хочу до нее донести. Она поникла. До кабинета мы шли молча, оба с серьезными выражениями лица.

Екатерина присела на краешек стула и попросила прислужницу принести нам чай с лимоном. После того, как мы все так же бессловесно завершили чаепитие, разговор начался.

– Итак, князь, – провела она. – Я вся во внимании.

Откашлявшись, я вынул из-за пазухи стопку бумаг, и преподнес ей.

– Что это? – увлеченно спросила Екатерина.

– Это, моя дорогая, полное и безоговорочное доказательство того, что твой зять не так прост, как нам казалось. С самого начала его пребывания в Петербурхе мне, как человеку, который ответственен за безопасность членов императорской фамилии, была доступна его переписка с важными людьми, а также я ежедневно получал записи своих шпионов, которые описывали каждое движение и каждое слово нашего славного герцога. Из всей совокупности мною представленного, могу с уверенностью осведомить тебя, что вся его деятельность в России осуществлялась вопреки нашим интересам, его заботит только удовлетворение личных притязаний на власть на территориях, о которых тебе известно не меньше меня.

Екатерина взволнованно вздохнула.

– Я догадывалась об этом. Он так неистово пытался контролировать политику.

– Полагаю, он сообразил, что у меня есть компрометирующие его материалы, и дабы я не пролил на них свет, первостепенной своей целью провозгласил низвержение меня.

Лицо Екатерины выражало расстройство.

– И что ты собираешься со всем этим делать? – удрученно поинтересовалась она.

– Разумеется, вынести на обсуждение в Совете. Я намереваюсь поступить с ним так же, как он со мной. Видишь ли, я не собирался подлить ему, и если бы он не стал рушить мою карьеру, эти бумажки так и остались бы пылиться на моем столе. Но теперь я не могу сидеть, сложа руки. Ты сама видела, что он натворил. Я должен защищаться.

Женщина покачала головой.

– Ты не можешь этого сделать, – прошептала она.

Я взглянул на нее с недоумением.

Она помолчала еще с минуту, потом поднялась на ноги, подошла к окну и стала в слезах объясняться.

– Меншиков, я не в силах запретить тебе вынести истинные помыслы герцога на публичное разбирательство, я могу лишь попросить тебя отказаться от этого замысла.

– Екатерина, ты понимаешь, чего просишь?

– Да. Вот только и ты пойми мои мотивы. Анна замужем за ним. После такого серьезного обвинения мы будем вынуждены выслать Карла обратно. Соответственно, я потеряю дочь. Мои дети и внуки – единственное светлое, что осталось в моей жизни. Умоляю, не лишай меня Аннушки. Я мечтаю о том, чтобы она жила подле меня, хочу воспитывать родных внуков. Если они покинут Россию, мое сердце будет окончательно разбито.

Я понятия не имел, что ей ответить. Она продолжала плакать, уставившись в окно. А я сидел, ухватившись обеими руками за голову.

– Решать тебе, – проговорила она.

– Можешь не переживать на этот счет, – ответил я и покинул помещение.

Вечером того же дня, ужиная со своей семьей и женихом Марии, всем нам пришлось выслушивать последние светские сплетни от Дарьи Михайловны, любезно поведенные ей подругой, у которой моя жена имела счастье быть гостьей. «Вы не поверите, оказывается граф Демидов изменял своей супруге со служанкой», – негодовала она. «И происходили их распутные встречи, как бы вы думали, где? Прямо в его рабочем кабинете, притом, что спальня

графини располагается на том же этаже!» – восклицала она. Ее не волновало, что все остальные восприняли новость менее обескуражено. Девочки покраснели, но продолжили непринужденно поедать пудинг. А польский гость, казалось, даже не слушал свою будущую тещу, время от времени подавляя зевки.

– Разумеется, такое поведение служанки непозволительная вольность. Будь я ее барыней, непременно высекла бы розгами во дворе, чтобы и другие получили урок, – заключила моя жена.

– А что же, матушка, случилось с самим Демидовым? – подал голос Александр.

– Ах, ничего особенного! Графиня, конечно, его простила. Говорят, она уезжала к сестре в Гатчину на три недели после случившегося. Видно, пребывание там успокоило ее нервы и она остыла.

– Я бы развелась, – тихо высказалась Мария.

– Так графиня супруга этим и наказала, что осталась с ним, – засмеялся сын. – Мне было бы досадно жить со столь пышнотелой женой.

– Уйми, пожалуйста, поток своего красноречия, – возмутилась мать. – Некоторым, между прочим, нравятся женщины в теле, – продолжила она после некоторой паузы с явным укором в мой адрес.

Но я был слишком поглощен собственными, далекими от темы разговора мыслями, чтобы обратить внимание на ее замечание.

Сообразя, что не смогла меня задеть, Дарья продолжила делиться сенсациями со своими детьми.

Рассказ об измене Демидова навел меня на весьма интересную затею. Вне всякого сомнения, несмотря на обещание, данное Екатерине касательно ее зятя, я не оставил занимавших мой разум планов по изжитию честолюбивого Карла-Фридриха из императорского двора. Следать так, чтобы он все-таки покинул Россию, сделалось для меня первостепенной задачей. Дарья, сама того не ведая, зародила в моей голове блестящий замысел.

Воплотить его в жизнь оказалось проще простого. Среди прислуги, обслуживающей Карла и Анну, я отыскал девицу, не обремененную моральными качествами. Сунув ей в карман несколько серебряных, я легко убедил ее соблазнить герцога после того, как он придет в свои покои в состоянии опьянения. Такой случай подвернулся уже спустя неделю. По плану в самый разгар страсти покои должны были посетить две другие прислужницы, якобы пришедшие в поисках задержавшейся их сослуживицы. Им отводилась роль свидетельниц супружеской неверности.

Все получилось лучше, чем предполагалось. Карл, обделенный в последние месяцы любовью со стороны страдавшей от слабости и болей жены, почти сразу же поддался на чары юной прелестницы. После дела она отправилась ко мне и заверила, что измена произошла, а свидетельницы вошли в комнату очень вовремя, и им стала доступна вся картина происходящего так, что принять это действие за что-либо иное не представлялось возможным. «Испуганный господин тут же вскочил, едва прикрыв срам одеяльцем, стал кричать на женщин, сначала попытался выгнать их, но потом остановил и строго велел молчать об увиденном. Они поклялись ему, что им все равно, чем господа занимаются, и что не в их правилах бежать рассказывать все хозяйке», – доложила девушка. Я убедился в том, что она поделилась вознаграждением с остальными двумя, участвовавшими в заговоре, и отправился спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.